

Алина Лабода

Чужая память

18+

Алина Лабода
Чужая память

«Автор»

2025

Лабода А.

Чужая память / А. Лабода — «Автор», 2025

Женщина, страдающая провалами в памяти, после каждой черной полосы обнаруживает в своем доме новую вещь, которая не принадлежит ей. Однажды она находит дневник, написанный ее почерком, но о событиях, которых она не помнит. В дневнике подробно описано... идеальное убийство. Конфликт: Кто она на самом деле? Жертва манипуляций или холодная расчетливая убийца? Она пытается раскрыть правду, не зная, приведет ли ее это к разоблачению преступника или к самой себе.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Отражение в осколках	8
Глава 2. Тень на карте	11
Глава 3. Код 17В	14
Глава 4. Инвентаризация демона	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

алина лабода, Алина Лабода
Чужая память

Пролог

Тишина была ее единственным спутником. Глухой, плотной, как вата. Такой же, как и провалы в памяти. Она проснулась. Не было привычной паники, лишь тяжелое, свинцовое ощущение пустоты. Очередная черная полоса. Провал. Она не знала, сколько времени выпало из ее жизни на этот раз – час, день, неделю? Камеры наблюдения, расставленные по квартире, молчали. Как и всегда в эти периоды. Они фиксировали лишь статичную картинку ее обычной жизни, словно кто-то ставил запись на паузу, а потом так же аккуратно нажимал «play».

Она медленно села на кровати, костяшки пальцев побелели от хватки за край матраса. Ее взгляд скользнул по знакомой комнате, выискивая инородное тело. Так было после каждого сбоя. Потеря памяти – это не просто пустота. Это как просыпаться в чужой квартире, где все вещи расставлены так, как привык именно ты. И ты не помнишь, как это сделал.

И она нашла.

На туалетном столике, рядом с ее скромной шкатулкой для украшений, лежал маленький, изящный пистолет. Холодный матовый металл отливал синевой под тусклым светом ночника. Он лежал там, будто всегда был ее вещью. Будто она чистила его пару дней назад.

Она подошла, рука дрогнула, повисла в воздухе. Не тронуть. Никогда не трогать. Правило номер один. Но на этот раз было иначе. Рядом с оружием лежала маленькая, кожаная записная книжка. Темно-бордовая, без опознавательных знаков.

Сердце заколотилось где-то в горле, издавая глухой, частый стук. Это было ново. Вещи – это одно. Они безмолвны. Книга... книга может говорить.

Она потянулась и взяла ее. Кожа была холодной и гладкой. Открыла первую страницу.

И мир рухнул.

Почерк. Ее почерк. Узнаваемый до боли, с характерным наклоном и закорючкой в букве «р». Но слова, которые складывались из этих знакомых букв, принадлежали абсолютно незнакомому человеку.

«Дата: 17 октября.

Все прошло идеально. Как и планировалось. Он не почувствовал ничего. Даже страха в его глазах не было – лишь удивление. Глупый человек. Он думал, что все контролирует.

Метод: инъекция. Быстро, чисто, тихо. Яд собственного производства, не оставляет следов в стандартной панели токсикологии. Труп оставлен в его кабинете. Ключ взят с брелока, отпечатки стерты.

Это не убийство. Это хирургическое удаление проблемы. Идеальное преступление.»

Страница выпала из онемевших пальцев. Воздух перестал поступать в легкие. Она отшатнулась от столика, ударившись спиной о косяк двери. Боль была далекой, нереальной.

Идеальное преступление.

Ее почерк.

Ее провал в памяти.

Она медленно подняла глаза и встретила собственное отражение в зеркале. Бледное, испуганное лицо, широко раскрытые глаза. Знакомые черты, которые вдруг стали маской.

Кто ты? – прошептали ее губы беззвучно отражению.

И отражение не ответило.

Глава 1. Отражение в осколках

Звонок в дверь прозвучал как выстрел. Марта вздрогнула, отбросив дневник на кровать, словно это был раскаленный металл. Сердце бешено колотилось, отдаваясь в висках тяжелым, неровным стуком.

Они уже знают. Пришли за мной.

Глупая, истеричная мысль. Это мог быть кто угодно. Курьер. Сосед. Но дневник лежал на пододеяльнике, и его слова жгли ей глаза даже сквозь обложку: «...идеальное преступление...»

– Кто там? – ее голос прозвучал хрипло и неестественно громко в тишине квартиры.

– Марта? Это Игорь, сосед снизу. У вас протекает труба?

Игорь. Спокойный, дружелюбный Игорь, который иногда помогал донести тяжелые пакеты. Не полиция. Не тот мужчина с фотографии. Словно камень свалился с груди, оставив после себя лишь дрожь в коленях. Она глубоко вдохнула, заставляя себя прийти в чувство.

– Сейчас открою.

Она судорожно огляделась, схватила дневник и запихнула его в ящик прикроватной тумбочки, под стопку аккуратно сложенных журналов. Пистолет... Куда деть пистолет? Она схватила его, и холод металла обжег ладонь. Она засунула его под матрас. Неуклюже, по-детски. Но времени не было.

Проведя ладонями по лицу, пытаясь стереть с него маску паники, она открыла дверь.

Игорь стоял на пороге, улыбаясь своей обычной, немного виноватой улыбкой. Но его взгляд на секунду задержался на ее лице чуть дольше, чем нужно.

– Извините за беспокойство. В ванной опять потоп, с потолка капает.

– Я... я не знаю, – растерянно пробормотала Марта. – Я ничего не включала.

Или включила? Во время той черной полосы? Может, «она» что-то делала с трубами?

– Ничего страшного, – Игорь заглянул в прихожую через ее плечо, быстрый, скользящий взгляд. – Просто проверьте, все ли в порядке. Можно я посмотрю?

Марта инстинктивно отступила на шаг, преграждая путь.

– Нет! То есть... я сама. Я проверю. Позже. Извините.

Он смотрел на нее с легким удивлением. Она всегда была странной, замкнутой, но сегодня ее бросало в жар и холод, а пальцы непроизвольно теребили край кардигана.

– Хорошо, как скажете, – он отступил, но его улыбка потускнела. – Если что, знаете, где я.

Она захлопнула дверь, не дослушав, и прислонилась к ней спиной, закрыв глаза. Каждый нерв звенел, как натянутая струна. Он что-то видел. Или ей просто казалось? Паранойя – ее старый спутник, но теперь у нее были доказательства, что она не сумасшедшая. У нее был дневник. И пистолет.

Она медленно проскользнула в ванную. Все было сухо. Чисто. Стерильно. Никаких протечек. Она подошла к зеркалу, тому самому, в котором с ужасом смотрела на себя всего час назад.

«Кто ты?»

Она всматривалась в свои черты: серые глаза, слишком большие для осунувшегося лица, светлые волосы, собранные в небрежный хвост, тонкие губы. Обычное лицо. Лицо жертвы.

И вдруг ее взгляд упал на раковину. Рядом с зубной щеткой лежал маленький осколок стекла, величиной с ноготь. Она не обращала на него внимания, приняв за пылинку. Но теперь, пристально взглядевшись, она увидела, что это не просто стекло. Это был крошечный фрагмент фотографии. На нем угадывался кусочек темного костюма и чья-то рука.

Еще одна вещь. Та, что осталась незамеченной в первом порыве ужаса.

Она потянулась, чтобы поднять осколок, и ее палец скользнул по холодной хромированной ручке крана. И тут же, как удар током, в голову ворвался образ.

Темнота. Холодный металл в руке. Не пистолет. Что-то другое. Скребущий звук. И запах. Едкий, химический запах, от которого щиплет в носу.

Обрывок. Короткий, как вспышка, и такой же ослепительный. Она отшатнулась от раковины, схватившись за голову. Это было воспоминание. Чужое. Ее собственное.

Дрожащими руками она подняла осколок. На обороте был крошечный клочок бумажной подложки с цифрой – «17».

Семнадцатое октября. Дата из дневника.

Она медленно опустилась на кафельный пол, прижимая ладони к холодной плитке. Провалы в памяти были пустотой. Абсолютной. Теперь эта пустота начала заполняться. И она понимала, что боится не потерять память. Она боится того, что может в ней найти. Пистолет под матрасом. Дневник в тумбочке. Осколок фотографии в руке. Это были не просто вещи. Это были частички пазла. И она, с ужасом глядя на свое отражение в нижней части зеркала, понимала, что самый большой кусок этой ужасной картины – она сама.

Игра началась. И противником в ней было ее собственное отражение.

Глава 2. Тень на карте

Она действовала как робот, движимая холодным, отстраненным любопытством, которое, как она подозревала, было единственным, что удерживало ее от полного безумия. Сначала – камеры. Жесткий диск системы видеонаблюдения, который она установила после первого серьезного провала, был чист. В день, указанный в дневнике, камеры «отключились» ровно в 21:30 и «заработали» снова в 05:17 следующего утра. Восемь часов тишины. Восемь часов, которые принадлежали ей.

Марта включила ноутбук, ее пальцы привычно застучали по клавиатуре. Она вбила в поиск «убийство бизнесмена 17 октября».

Ничего.

Она сузила поиск, добавив название города. Снова ничего. Ни сенсационных заголовков, ни заметок в криминальных хрониках. Лишь однотипные новости о новых инвестициях и благотворительных вечерах.

Облегчение, сладкое и обманчивое, волной накатило на нее. Значит, это бред? Галлюцинация ее больного сознания, материализовавшаяся в виде дневника? Она почти улыбнулась, готовая запереть тетрадь и попытаться забыть.

Но что-то заставило ее продолжить. Та же самая часть, что методично вела записи об «идеальном преступлении». Она вбила имя бизнесмена из дневника – «Артем Викторович Крылов» – и слово «некролог».

И нашла.

Короткая, сухая заметка на сайте небольшого частного похоронного бюро. «Скоропостижно скончался Артем Викторович Крылов. Выражаем соболезнования семье и близким». Дата смерти – 17 октября. Причина не указана.

«Скоропостижно». Такое удобное, универсальное слово. Оно покрывало собой инфаркт, инсульт, и... отравление, не оставляющее следов.

Марта встала и подошла к окну. За ним текла обычная жизнь: люди спешили по своим делам, машины сигналили в пробке. А она стояла здесь, в своей стерильной, запертой на все замки квартире, и знала, что кто-то умер. И что она, возможно, имела к этому прямое отношение.

Она вернулась к ноутбуку. Нужны были детали. Нужно было найти его адрес. Дневник утверждал, что «тело оставлено в его кабинете». Значит, это был дом, а не офис.

Поиск выдал ей элитный жилой комплекс «Покровские высоты». Дорого. Очень дорого. Она никогда бы не смогла позволить себе даже зайти в тот район просто так. Но ее пальцы, словно сами по себе, вывели на карте маршрут от ее дома до этого адреса. Она смотрела на синюю линию, и в голове снова вспыхнул образ.

Ночная улица. Фонари, отраженные в лужах. Чувство целеустремленности, холодной и ясной. Она идет, и ее шаги уверенны. Она знает дорогу.

Марта резко выключила монитор. Дышать стало трудно. Это было не воображение. Это была память. Мышечная. Телесная.

Ее взгляд упал на прикроватную тумбочку, где лежал дневник. Она подошла, открыла его на другой, еще не читанной странице.

«Примечание: старые системы видеонаблюдения в его доме имеют слепую зону с восточной стороны, рядом с высокими кипарисами. Камеры у ворот фиксируют только въезжающий транспорт, пешеходов игнорируют. Код домофона – 17В. Сентиментальный дурак.»

Код. 17В. Та же цифра, что и на обороте осколка фотографии.

Она закрыла тумбочку и отшатнулась. Это была уже не просто запись. Это было руководство. Приглашение.

Весь следующий день прошел в лихорадочном оцепенении. Она не могла есть, не могла спать. Каждый звук заставлял ее вздрагивать. Она ловила себя на том, что стоит у окна и смотрит в сторону «Покровских высот», невидимых за вереницей других домов.

К вечеру она не выдержала. Это было сильнее страха. Сильнее инстинкта самосохранения. Ей нужно было знать. Правда, какой бы ужасной она ни была, была лучше этого подвешенного состояния между безумием и реальностью.

Она оделась в темное: простые джинсы, темную куртку, кепку, под которую убрала волосы. Она не смотрела в зеркало. Она боялась увидеть в своем отражении удовлетворенную ухмылку другой.

Пистолет она оставила под матрасом. Взять его с собой значило бы окончательно принять роль убийцы. Но она взяла другое – маленький, тупой складной нож, который когда-то использовала для вскрытия коробок. Он лежал в кармане, тяжелый и бесполезный талисман.

Выйдя на улицу, она почувствовала, как ее охватывает странное спокойствие. Ночь была ей не врагом. Судя по дневнику, ночь была ее стихией. Она пошла по маршруту, который уже знала, даже не глядя на карту. Ее ноги помнили дорогу.

И когда она увидела за высоким забором освещенные витражи особняка Крылова, ее сердце не заколотилось, а, наоборот, замерло. Она обошла забор, нашла те самые кипарисы с восточной стороны. Слепую зону.

И тут ее взгляд упал на землю. Возле самого забора, в густой траве, что-то блеснуло. Она наклонилась, раздвинула стебли.

Это была пуговица. Темный перламутр, с характерной трещиной посередине. Та самая пуговица от ее старого, любимого пальто, которое она... потеряла месяц назад после очередного провала.

Она не потеряла его. Она была здесь. В ту ночь.

Марта подняла пуговицу и сжала ее в ладони так сильно, что края впелись в кожу. Она стояла в тени, всего в нескольких метрах от места преступления, с уликой в кармане и с знанием в голове, которое уже нельзя было отрицать.

Она была не следователем. Она была возвращающейся на место преступления убийцей. И самое страшное было в том, что, глядя на код «17В» на панели домофона, ее палец непроизвольно потянулся его набрать.

Глава 3. Код 17В

Палец замер в сантиметре от блестящей клавиатуры домофона. Цифры «1» и «7» казались раскаленными, притягивая ее кожу. 17В. Сентиментальный дурак.

Сентиментальный? Значит, «В» – это, возможно, первая буква имени. Возлюбленной? Жены? Ребенка? Неважно. Важно, что код из дневника был реальным. Как и пуговица, которую она сжимала в левом кулаке так, что перламутр вот-вот расколется.

Ее правая рука дрожала, повиснув в воздухе. Что будет, когда она нажмет эти кнопки? Раздастся ли звонок в пустом доме? Или ее голосом ответит охранник? А может, тишина? Тишина, которая будет означать, что дверь открыта, и ее ждет темнота, хранящая следы ее – или ее – присутствия.

«Ты хочешь знать, не так ли?» – прошептал в голове знакомый, чужой голос. Голос из дневника. Голос, который становился ее собственным. – «Ты уже здесь. Сделай шаг».

Это было безумием. Чистейшей воды самоубийством. Но стоять здесь, в этой слепой зоне, между жизнью, которую она знала, и правдой, которая могла ее уничтожить, было невыносимее любого риска.

Она резко, почти яростно, ткнула пальцем в клавиши: 1... 7... В.

Раздался короткий, мягкий щелчок. Замок на массивной калитке отъехал.

Тишина. Ни звона, ни голосов. Дом молчал, словно затаив дыхание.

Сердце Марты не билось, казалось, оно превратилось в комок льда где-то в горле. Она легонько толкнула калитку. Та бесшумно подалась внутрь.

Двор был похож на картинку из глянцевого журнала: идеальный газон, подстриженные кусты, дорожки из гравия. И темный, огромный особняк с слепыми глазами-окнами. Ни одной горящей лампы. Ни души.

Она скользнула внутрь, прижавшись к стене. Гравий хрустнул под подошвами, и она замерла, ожидая, что вот-то сейчас вспыхнет свет, залает собака, на нее набросится охрана. Но ничего не произошло. Только ветер шелестел листьями.

«Камеры у ворот фиксируют только въезжающий транспорт», – вспомнилось ей. Пешеходов они игнорируют. Значит, ее не видели. Или... уже видели и пропустили, как своего?

Она подошла к парадной двери. Дубовая, массивная. И снова домофон. Она снова ввела код. 17В.

Щелчок был громче. Дверь отъехала на сантиметр.

Теперь ее охватил животный, первобытный страх. Запах. Тот самый, едкий, химический запах, который она почувствовала у себя в ванной. Он был слабым, приглушенным системой вентиляции, но он был здесь. Запах хлора, аммиака и чего-то еще, сладковатого и оттого еще более противного. Запах чистоты, за которой скрывали смерть.

Она толкнула дверь и шагнула в темноту.

Пол был холодным мрамором. В свете уличных фонарей, пробивавшемся сквозь витраж, она различала очертания гигантской гостиной. Белые чехлы на мебели, похожие на призраков. Все было чисто, стерильно. Слишком стерильно.

«Тело оставлено в его кабинете», – вещал дневник.

Она двинулась дальше, ее ноги сами несли ее по коридору. Она не знала плана дома, но ее тело знало. Поворот налево, потом направо. Она шла, как лунатик, ведомая тенью собственной памяти.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Из-за нее пахло сильнее. Тем самым химическим коктейлем.

Марта застыла на пороге, не в силах сделать последний шаг. Ее рука сама потянулась к выключателю на стене. Щелчок.

Мягкий свет бра озарил комнату. Большой дубовый стол. Стенка с книгами. Кожаное кресло.

И пятно.

Небольшое, темное, почти черное, впитавшееся в светлый ковер рядом с креслом. Его оттирали, чистили, но оно проступило вновь, как клякса вины.

Это было все. Ни тела, ни хаоса, ни очевидных улик. Только это пятно. И всепоглощающее знание, что она здесь была. Что она сделала это.

И вдруг в тишине раздался другой звук. Не с улицы. Из глубины дома. Глухой, влажный звук. Как будто капает вода.

Марта резко выключила свет и прижалась к стене, затаив дыхание. Она не одна в этом доме.

Шаги. Тяжелые, неторопливые. Они приближались по коридору.

Она метнулась взглядом по кабинету. кроме двери, в которую вошла, была еще одна – вероятно, ведущая в смежную комнату или к гардеробной. Она ринулась к ней, нащупала ручку. Дверь была заперта.

Убежать через гостиную она уже не успевала. Шаги были уже у входа в кабинет.

В панике она отползла за высокое кресло, вжавшись в узкий промежуток между ним и стеной. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь дом.

Дверь в кабинет скрипнула. Свет снова вспыхнул.

Человек тяжело дышал, стоя на пороге. Марта видела только тень, длинную и уродливую, падавшую на ковер.

Тень медленно двинулась к столу. Раздался звук открываемого ящика, шелест бумаг.

Потом человек заговорил. Голос был низким, хриплым от чего-то – от выпивки? От горя?

– ...да, я в доме, – сказал он, очевидно, по телефону. – Завтра приедет новая бригада уборщиков... специализированных. Нужно окончательно... все вычистить. От этой... грязи.

Он сделал паузу, слушая.

– Не знаю, кто, – его голос дрогнул от ярости или от боли. – Но я найду. Я найду эту суку, которая это сделала. И когда найду... сдам копам? Нет. Слишком милостиво. Я с ней разберусь сам. Лично.

Марта закрыла глаза, чувствуя, как ее тело немеет от ужаса. Это был он. Кто-то из близких Крылова. Брат? Партнер? И он поклялся ее убить.

Он постоял еще минуту, тяжело дыша, потом выругался сквозь зубы, выключил свет и вышел, захлопнув дверь. Его шаги затихли в глубине дома.

Марта не двигалась еще десять минут, слившись с темнотой. Потом, дрожа всем телом, выползла из-за кресла и, крадучись, как тень, выскользнула из кабинета, из гостиной, через парадную дверь и через калитку на свободу.

Она бежала по ночным улицам, не разбирая дороги, не чувствуя ничего, кроме всепоглощающего страха. Она нашла правду. И правда заключалась в том, что за ней теперь охотились. И самый страшный охотник был не снаружи. Он был внутри нее, в виде дневника, в виде пуговицы в кармане, в виде памяти о том темном пятне на дорогом ковре.

Она была и жертвой, и преступником. И игра только начиналась.

Глава 4. Инвентаризация демона

Дверь ее квартиры захлопнулась с таким звуком, будто это крышка гроба. Марта прислонилась к ней спиной, скользя на пол. Дрожь, которую она сдерживала весь путь, вырвалась наружу – мелкая, неконтролируемая, сотрясающая все тело. Она обхватила колени руками, пытаясь стать меньше, незаметнее, спрятаться от самой себя.

Перед глазами стояло то темное пятно на ковре. И тень незнакомца с телефоном. Его слова эхом отдавались в черепе: «Я найду эту суку... Разберусь сам. Лично».

Она была в мышеловке. Полиция, если что, посадит в тюрьму. Этот человек – убьет. А ее вторая половина, та, что вела дневник, скорее всего, просто наблюдала за этим цирком со стороны, испытывая холодное презрение.

Слезы текли по ее лицу сами собой, соленые и бесполезные. Она дала себе пять минут. Пять минут на истерику, на страх, на отчаяние. Ровно триста секунд, которые она отсчитывала по мерным ударам сердца. Потом все.

Она глубоко вдохнула, вытерла лицо рукавом и поднялась с пола. Ноги подкашивались, но она заставила себя дойти до кухни. Включила свет. Поставила чайник. Руки сами выполняли привычные действия, успокаивая разум.

Чайник зашипел, выстрелил паром. Она заварила крепкий черный чай, не добавляя сахара. Горечь была к месту. С ним в руке она прошла в гостиную и села за письменный стол.

Она достала чистый лист бумаги и ручку. Действовать нужно было методично, как это делала Она. Та, из дневника.

Что я знаю:

1. Убийство было. Тело Артема Крылова было обнаружено в его кабинете 17 октября. Факт подтвержден некрологом и словами того человека в доме.
2. Я была там. Подтверждают: мышечная память, знание кода домофона, пуговица.
3. Убийство «идеальное». Официально причина смерти не названа («скоропостижно»). Значит, яд, как и писалось в дневнике, не был обнаружен.

4. Есть тот, кто ищет убийцу. Опасный, решительный человек, связанный с Крыловым. Он не пойдет в полицию. Он хочет личной мести.

Она отпила чаю, чувствуя, как тепло разливается по телу, прогоняя остатки дрожи.

Что мне нужно выяснить:

1. Кто этот человек? (Брат, партнер, друг?)
2. Какой мотив был у Нее? Почему Крылов был «проблемой», требующей «хирургического удаления»?
3. Как связаны вещи, которые я нахожу? Пуговица, осколок фотографии... что дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.